

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.15:93

А.В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Статья посвящена анализу политико-правовых основ российского законодательства. На основе анализа политико-правовой доктрины императора Павла I, разработанной до вступления на престол, нормативных правовых актов 1796-1801 гг., а также ряда невербальных источников выявляются основные политические идеи, лежащие в основе российского законодательства на рубеже XVIII-XIX вв. В статье делается вывод, что в законодательстве этого периода были сформированы теоретические представления об идеальном государственном устройстве, в котором вся полнота власти сосредоточена в институте неограниченного наследственного монарха, получившего власть от Бога и только перед ним подотчетного за свои действия.

Государственность России XVIII в. была ориентирована на детальное и максимально широкое правовое регулирование всех сторон политической и социальной реальности. Доминирующим началом при этом выступали не реальные потребности, а представления правящего монарха об идеальном образе государства, основанные, прежде всего, на теоретических идеях и воплощенные в законодательстве.

В эпоху абсолютизма, как доказал О.А. Омельченко, законодательные акты становятся не только естественной формой присутствия официальной идеологии, но и особой формой ее формирования. Становление новой политической культуры, начиная с петровских времен, предполагало, что законодательные мероприятия власти должны подчиняться определенному канону. Кроме собственно правового регулирования заявленной проблемы, они должны содержать идеологическое обоснование необходимости данного мероприятия [1, с. 53], то есть в

нормативных актах стало много внимания уделяться вопросам политической теории.

Основное в содержании политической теории – это концепция государственного строя. Она подчинена определенной логической схеме и включает в себя следующие проблемы: происхождение государственности и источники верховной власти; характер и содержание верховной власти, а также цель государственной организации; принципы взаимоотношений верховной власти с социальными слоями общества [1, с. 76].

Рубеж XVIII-XIX вв., заложивший основы политической теории России XIX в. именно в идеологическом плане, представляется наиболее значимым. Царствовавший в это время Павел I был одним из немногих российских монархов, кого с самого детства готовили к наследованию престола. Выбор предметов и методов обучения определялся теоретическими и практическими потребностями и знаниями, необходимыми ему как будущему императору.

В целом он получил хорошее, разностороннее первоначальное образование, впоследствии углубив знания путем чтения философской и политической литературы и практических наблюдений за функционированием российской и европейских политических систем. Полученные знания позволили ему разработать цельную политико-правовую доктрину, основные положения которой определили характер и содержание его законодательства, высокий удельный вес в нем теоретического компонента.

В первую очередь Павел I позаботился о придании своей власти легитимности. В условиях сохранения традиции перехода монархической власти в России в результате дворцовых переворотов, наиболее оптимальным способом обоснования легитимности было доказательство кровного родства не только с предыдущим правителем, но и с родоначальником династии. В XVIII в. в качестве основателя династии воспринимался не Михаил Федорович, а Петр I, к образу которого стремились апеллировать все последующие монархи [2]. Павел I не стал исключением. Уже краткий манифест о вступлении на престол, изданный 6 ноября 1796 г., ссылался на "Наш прародительский, наследственный, императорский, всероссийский Трон". Принцип наследственности получил перевес над принципом общественной выгоды (ставшим доминирующим во второй половине XVIII в.) [3], который был упомянут лишь в последней строке – прошении к Богу о помощи в достижении "процветания Империи и благосостояния Наших верноподданных" [4, т. 24, № 17530].

Сразу же по восшествии на трон Павел I приступил к воскрешению памяти отца в истории российского государства и пропаганде символики наследственной монархии. Чтобы пресечь слухи о своем незаконном происхождении и желании Екатерины II передать престол Александру Павловичу [5, с. 4], Павел I решил воздать отцу императорские почести. Этим как бы восстанавливалась мужская линия российских императоров: Петр I – Петр III – Павел I. Перезахоронение Петра III как нельзя более наглядно служило этой цели [6]. Одновременно в манифесте о вступлении на престол Александр

Павлович был назван цесаревичем и наследником престола [4, т. 24, № 17530], чтобы не возникало двусмысленных толкований его правового статуса.

Впоследствии Павел I неоднократно подчеркивал законность и преемственность своей власти, в том числе от Петра I. Неоднократно в своих указах он стремился обосновать целесообразность своих действий продолжением дел "в Бозе почивающего Предка Нашего Государя Императора Петра Первого" [7, с. 3].

Принцип наследственности самодержавной власти стал краеугольным камнем политической теории рубежа XVIII-XIX вв. Не случайно его издание было обставлено большим количеством символов и обрядов, которые должны были подчеркнуть его дихотомическую природу. С одной стороны, будучи объявленным лично императором во время коронации, он становился фундаментальным законом. С другой стороны, положенный на хранение в алтаре Успенского собора, он приобретал сакральные черты [8].

Важнейшим элементом обоснования божественного происхождения верховной власти в России стала церемония коронации [9]. Коронация, проведенная в соответствии с русскими коронационными традициями (хотя и подновленными), должна была свидетельствовать о получении Павлом I своей власти непосредственно от Бога. Включение коронации в литургический контекст должно было дополнительно подчеркнуть легитимность и богоданность монархической власти [4, т. 24, № 17659]. В результате коронации монарх принимал на себя обязанности священнодействия и учительства, приобретал особую силу и мудрость для осуществления высшей власти, как в государстве, так и в церкви.

Таким образом, перед самодержавием открывались более широкие перспективы в плане культивирования монархических идеалов в общественном сознании, поскольку их влияние во многом вытекало из традиционного патерналистского взгляда на царя как "отца" своих подданных, который равно заботится обо всех. Такому представлению отвечала в первую оче-

редь фигура монарха, получившего власть "в силу закона и рождения", никому не обязанного "своим возвышением, кроме Бога".

В российском варианте государственной мифологии, как важнейшей части политической теории, монарх выступал как земной бог и земной спаситель, связанный таинственной харизматической связью с Небесным Богом и Спасителем – Христом, и вместе с тем – апостол, ведущий свою державу по пути спасения [10].

Развитие императорского культа имело решающее значение для построения русской правовой культуры XVIII в. Этот культ стал основой синтеза традиционной русской православной духовности и рационалистической правовой культуры европейского абсолютизма [11]. Государственный миф абсолютной монархии приобретает в России мессианский характер. Поскольку Бог благ и человеколюбец, царь в деспотической бесконтрольности своей власти должен преследовать лишь благо подданных, а не исполнение своих капризов. Принимая власть от Бога, монарх не только получал санкцию на ее неограниченность, не только выступал выражением воли Господней, но и принимал на себя христианские обязанности перед вверенным ему народом, ибо с этих пор он был обременен еще и долгом отеческой заботы о православных перед Богом [12, л. 3].

Мессианские идеи и представление о божественном предназначении монарха в политической теории XVIII в. ставили институт верховной власти на недостижимую для подданных высоту. Наиболее важные высочайшие указы и манифесты либо начинались словами "Во имя Отца, Сына и Святого Духа" (в документах, имевших международное значение "Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы"), либо апеллировали к Божественному происхождению и предназначению императора. Так уже в Манифесте о вступлении на престол Павел I писал: "... Бога Всевышнего призываем, да поможет нам благодатию Своею Святою..." [12, л. 3]. Высокий статус делал для государя всех подданных равными перед ним и издаваемыми им законами.

Для обоснования божественного происхождения верховной власти православной ре-

лигии и церкви, к исходу XVIII в. изрядно скомпрометировавшей себя зависимостью от государства и просветительскими идеями и, вместе с тем, не столь авторитетной, как католичество в Западной Европе, было явно недостаточно. Это обусловило обращение к средневековым рыцарским идеям, пропаганде благородства, бескорыстия, беспорочной службы чести высшего сословия, его долга беззаветно служить "царю и отечеству". Однако в данном случае отечество понималось не узко государственно, а как единение всех христиан, независимо от их местожительства и конфессии. В законодательстве о принятии Мальтийского ордена под покровительство России и установлении ордена "в пользу российского дворянства" демонстрировался универсальный (мессианский) характер российской монархии, принимавшей на себя роль защитника всего христианства, как православия, так и католицизма [13, р. 59].

Тезис о прямом и непосредственном установлении верховной власти Богом являлся исходным в развертывании и обосновании понятий о характере верховной власти. Если государственная власть в лице монарха получает свои полномочия от Бога, и ни от кого другого, то эта власть в своем земном значении не производима и не зависит ни от какого человеческого, общественного авторитета, то есть, неограничена. Власть "вручается" монарху Богом, и вручается с подразумеваемыми целями – заботой о "благое государства". Однако Бог вручает такую неограниченную власть не любому, вступившему на трон, а только легитимному наследнику, освящая его власть.

Подобное восприятие института монарха обусловило нормативное обоснование необходимости и целесообразности сосредоточения в его руках неограниченной власти. В XVIII в. российскому монарху принадлежали все элементы государственной власти [14, с. 61]. Впервые верховная власть России попыталась регламентировать все стороны государственной, общественной и частной жизни. В изданном Павлом I "Учреждении о Императорской фамилии" появилась формулировка: "Царствующий Император,

яко неограниченный Самодержец" [4, т. 24, № 17906]. В представлении императора это должно было означать, что воля монарха не ограничивалась какими-либо юридическими нормами, на которые он не мог бы повлиять или изменить.

В первую очередь были очерчены пределы власти российского монарха вертикально и горизонтально. Манифест "О титуле Его Императорского Величества" не только установил различные формы обращения к императору, но и очертил пределы его регулирования территориально. То, каким образом должно именоваться лицо, облеченное верховной властью в государстве, в значительной степени характеризует весь государственный механизм. Имя императора является символически-значимым образом главы государства и всего государства в целом.

В развернутой форме обращения к императору присутствовало перечисление всех подданных ему регионов [4, т. 24, № 17635]. Таким образом, определялись территориальные пределы и утверждалась над ними верховная власть в одном лице. Изменения территории государства или включение в его состав новых регионов вело к изменению императорского титула. Так, вступление Мальтийского ордена под покровительство России привело к внесению в императорский титул положения "Великий магистр Державного ордена Иоанна Иерусалимского" [4, т. 25, № 18790, 18872].

В наиболее важных нормативных правовых актах императорский титул иллюминировался гербами подвластных земель, что дополнительно подчеркивало территориальные пределы власти Российского монарха. Расположение титулов и соответственно гербов было не произвольным, а в зависимости от значения региона для Российской империи [15, л. 1]. Все эти регионы и составляют Российскую империю. Российский император – в первую очередь, глава всего государства, а уже потом – глава отдельных регионов. Власть его над империей самодержавна, поскольку вручена Богом.

Распространение права присяги на верность монарху на крепостных крестьян должно было символизировать, что для верховной вла-

сти все подданные равны. Монарх в равной степени расположен к любому подданному. Любой подданный мог напрямую обратиться к государю с прошением (единственным ограничением был запрет на подачу коллективных жалоб и необходимость указывать фамилию просителя). Монарх лично рассматривал все прошения (что соответствовало его сакральному статусу – земной бог, как и Бог небесный, должен все видеть и все знать) и либо сразу давал ответ, либо направлял на рассмотрение соответствующего ведомства. Ответы на прошения оперативно печатались в Санкт-Петербургских ведомостях.

Император устанавливал и отменял налоги [4, т. 24, № 17661, 17667]; утверждал смету государственных доходов и расходов [4, т. 24, № 17551, 17609]; штаты государственных учреждений [4, т. 24, № 17639, 17702]; акты, изменявшие внутригосударственное устройство [4, т. 24, № 17634] или государственную границу в связи с отчуждением части территории в пользу другого государства; передававшие государственное имущество в частную собственность [4, т. 24, № 17925]. Он был источником всех почестей и привилегий, являвшихся знаками власти, и от него зависело возведение в дворянское достоинство и пожалование наследственных титулов [16, с. 112-124], награждение орденами и медалями [15, л. 1].

Как глава государства российский монарх разрабатывал внешнеполитический курс Российской империи и являлся руководителем внешней политики и дипломатии России [17].

Император являлся высшей судебной инстанцией. На его рассмотрение поступали апелляции на решения Сената по гражданским делам, прежде всего в сфере наследственного и вещного права [18].

В качестве высшей исполнительной власти монарх действовал в случаях неправильного применения закона или в случае необходимости разрешить те или другие затруднения в администрации, когда эти затруднения не могут быть устранены силою существующих законов. Он разрешал дела, превышающие степень власти, данной данному учреждению или должно-

стному лицу, пересматривал разного рода правила, положения и инструкции, если они были ранее утверждены императором, принимал чрезвычайные меры для наведения общественного порядка, выносил административные взыскания на должностных лиц [19].

Особенно заметна безграничная власть императора на рубеже XVIII-XIX вв. в расширении пределов правового регулирования. Это осуществлялось как увеличением числа нормативных правовых актов и детализацией регулируемых вопросов, так и появлением новых предметов правового регулирования, обусловленных необходимостью борьбы с французской "революционной заразой".

Только в Полном собрании законов за период с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г. опубликовано 2 256 законодательных актов. Однако в Полное собрание законов вошли далеко не все нормативные правовые акты. В указных книгах, владельческих и издательских конволютах и архивных фондах сохранилось около 5 000 актов 1796-1801 гг.

Наконец, необходимо учесть широко распространенные на рубеже XVIII-XIX вв. разного рода объявления, распоряжения, распуликования, близкие по своему характеру к законодательным актам. Часть этих распоряжений была опубликована в Сенатском архиве (сюда вошло 5 614 именных указов) [19]. Регулярно Санкт-Петербургские ведомости печатали отчеты о решенных императором и сенатом делах [20]. Если учесть, что приказы, отданные при пароле (всего их было издано 14 207), были приравнены к именным указам [4, т. 24, № 17548], то общее число нормативных документов на рубеже XVIII-XIX вв. приближается к 40 000.

Судя по журналу словесных приказаний Павла I, который вел Ф.В. Ростопчин, концептуально большинство важнейших законодательных актов разрабатывалось императором. Ростопчин записывал словесные повеления государя и направлял их соответствующему ведомству или чиновнику, где на основании этих идей разрабатывался законопроект, подносимый затем на высочайшую подпись. По утверждении монархом акт становился законом [21].

Российский монарх в императорский период пользовался значительной религиозной властью, ибо считался верховным покровителем и блюстителем православия. Коронационные празднества представляли Павла I верховным религиозным вождем, который отмечен знаком свыше. В акте о престолонаследии 1797 г. монарх назван "Главою Церкви" [4, т. 24, № 17910]. Этим шагом было фактически завершено огосударствление православной церкви: теперь российский император де-юре возглавил церковную иерархию.

Со стороны государства русской православной церкви было законодательно предоставлено привилегированное по сравнению с другими христианскими исповеданиями, господствующее положение. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. православие рассматривалось не узкоконфессионально, а экуменистически. В указе от 3 ноября 1798 г. об управлении римско-католической церковью российский император называется "самим Богом избранным начальником" [4, т. 25, № 18734]. Первым шагом на долгом пути вселенского объединения христианских церквей под руководством российского монарха должно было стать принятие Павлом I титула великого магистра Мальтийского ордена.

Императору принадлежало верховное командование над всеми сухопутными вооруженными силами Российского государства. В качестве такового он определял устройство армии [22], издавал приказы о дислокации войск, переводил их на военное положение, назначал на должности и увольнял с должностей генералов и офицеров, принимал решения по другим вопросам, относящимся к устройству вооруженных сил и обороны государства [23-27].

Неограниченное правление предполагало строгую форму организации системы управления на всех уровнях. Вся система государственных учреждений – лишь механизмы реализации верховной воли самодержавного монарха. Главным при этом являлось четкое определение правового статуса и функций каждого государственного органа и стремление подчинить деятельность административной системы правовым нормам [28].

Разработанный Павлом I еще до вступления на престол план реформирования системы высшего и центрального управления, придания им бюрократических черт, стал претворяться в период царствования. Мероприятия в области центрального управления в конце XVIII в. можно свести к нескольким направлениям: 1) упраздняются те учреждения, которые по своей организации или цели кажутся неудобными или же излишними [4, т. 24, № 17549; 17607; 17627; 17670; 17686; 17687; 17701; 17750; 17826; 17887; 18056; т. 25, № 18307; 18337; 18354; 18397; 18459; 18864; т. 26, № 19632]; 2) остаются, иногда с некоторыми видоизменениями, учреждения, которые считаются необходимыми для текущих дел [29, с. 223, 301, 571; 30, л. 4]; 3) восстанавливаются прежние учреждения, хотя и с существенным изменением содержания и структуры, приспособляясь к общему течению внутренней политики [4, т. 24, № 17567]; 4) вновь учреждаются места и должности для заведования какой-либо особой отраслью дел [4, т. 24, № 17609].

В результате реорганизации высших и центральных государственных учреждений было осуществлено создание стройной и значительно концентрированной системы управления. Ослабленный коллегиальный порядок уступил место новому – министерскому, бюрократическому, создание которого было завершено Александром I. Короткое правление Павла I не позволило полностью реализовать переход к министерской системе.

Реформирование системы местного управления, осуществленное Павлом I, было цельным, систематическим и планомерным и шло по нескольким направлениям: 1) перемены в административном делении [37, с. 12]; 2) упразднение средних инстанций и некоторые видоизменения в других учреждениях [32]; 3) замена выборных от дворян и горожан назначаемыми верховной властью чиновниками [4, т. 26, № 19543, 19763]; 4) формальное восстановление прежних привилегий южным, юго-западным и северо-западным губерниям [33].

Изучение административных реформ Павла I в целом позволяет сделать вывод, что император сделал принцип иерархии и центра-

лизации, олицетворенный в образе плаца, принципом правительственной организации, который буквально и сурово применялся во всем государственном аппарате. Серия мер заменяла коллегиальный принцип (там, где он еще существовал) единоличным; устанавливалось "преимущество лиц перед учреждениями" [12, л. 8 об.]. Выстраивалась железная линия подчинения: император – генерал-прокурор – министр (или управляющий соответствующим ведомством) – губернатор.

В соответствии с публично-правовой доктриной просвещенного абсолютизма, предполагающей необходимость законодательного определения права каждого "состояния" (сословия) и их взаимоотношений с властью, на рубеже XVIII-XIX вв. формируется правопорядок, в соответствии с которым "каждый из верноподданного Нам народа обращался в пределах званию и состоянию его предписанных, исполняя обязанности и удаляя всего тому противное, яко разрушающего порядок и спокойствие в обществе" [7, л. 38].

Судя по второй части проекта книги гражданских дел "О праве особенном относительно лиц, вещей и обязательств государственных жителей", разработанной Комиссией для составления законов Российской Империи, предполагалось оформить правовой статус дворянства ("лиц первого рода людей", и "сопричастных к первому роду людей"), горожан ("лиц среднего рода людей") и крестьян ("лиц нижнего рода людей") [34].

Наиболее почитаемым и исконно дворянским занятием считалась военная служба. В первую очередь законодательно были регламентированы внешние символы службы: мундиры и дисциплина. Офицеры и генералитет обязаны были являться на службу исключительно в мундире. Пресекая широко распространенную практику ношения мундиров помещиками, это право ограничивается отставленными со службы с высочайшим разрешением носить мундир. Уволенные со службы за провинности и нарушения были лишены этого права [19]. Губернаторы должны были строго следить за исполнением этого правила [35].

Важнейшим действием, направленным на формирование воинского правопорядка, стал смотр военнослужащих, проведенный 4 декабря 1796 г., по результатам которого были уволены все неявившиеся на действительную службу [4, т. 24, № 17620]. Впоследствии исключенных с военной службы запрещается принимать в любую службу [4, т. 24, № 18245]. Эти положения подтверждаются неоднократно в течение всех лет Павловского правления [4, т. 26, № 19508]. Одновременно ограничивается возможность отставки с военной службы зимним временем [22, с. 123].

Ужесточением дисциплины явились массовые увольнения по приказам императора на ежедневных вахтпарадах. Основными причинами увольнения в отставку среди высшего офицерства были болезнь или неприбытие в полк. Младшие офицеры отставались от службы за пьянство, дурное поведение и картежную игру, просрочку отпуска, долги или растрату казенных денег и имущества [36]. Согласно "приказам, отдаваемым при пароле", за неполных 5 лет павловского царствования было отставлено от службы 11 208 человек, то есть офицерский и генеральский корпус был обновлен почти дважды [23 – 27]. При этом совершенно не учитывались прошлые заслуги увольняемых лиц [37].

Дворянство являлось основным поставщиком кадров не только для офицерского корпуса, но и для бюрократического аппарата. Четырнадцатого августа 1798 г. было запрещено определять "в статскую службу из купеческого, мещанского и других подушные подати несущих звания без представления Сенату о надобности в оных" [4, т. 25, № 18622]. Вступление детей как личных, так и потомственных дворян в статскую службу требовало обязательного доклада императору [12, с. 145; 47, л. 274].

Стремление навести порядок в государственном аппарате обусловило высокую ротацию кадров в гражданской службе на рубеже XVIII-XIX вв. Анализ именных указов показывает, что в 1796-1801 гг. со службы было уволено 4 генерал-прокурора, 2 вице-канцлера, 1 государственный казначей, 25 президентов и вице-

президентов коллегий и лиц, к ним приравненных, 52 сенатора, 73 начальствующих лица губерний. Больше всего увольнений приходится на 1800 г. – 65 [19]. Поэтому можно сделать вывод, что вопросы кадровой политики стали приоритетными лишь тогда, когда стало ясно, как проводятся в жизнь реформы, кто тормозит их реализацию. Именно эти лица и увольнялись в первую очередь. В то время как положение среднего и низшего чиновничества было более стабильным.

Помимо государственной службы для "благородного сословия" существовала служба выборная. На рубеже XVIII-XIX вв. явно наблюдается тенденция на уравнивание выборной и государственной службы.

Губернским правлениям предоставляется власть замещать вакантные места, открывающиеся до выборов дворянства, по своему усмотрению [4, т. 24, № 18057]. В губерниях, где было недостаточное количество дворянства, губернаторы получили право замещать выборные должности "живущими там не у дел чиновниками" [38]. Предводителям дворянства разрешалось отлучаться от должностей лишь с ведома губернатора [4, т. 24, № 18062].

Гражданским губернаторам предоставляется право своей властью определять и увольнять земских комиссаров или исправников, присутствовать при дворянских собраниях "по делам общественным бывающим" [4, т. 25, № 18421].

Апофеозом в развитии законодательства на усиление зависимости дворянского самоуправления от государственного аппарата выглядит Указ 24 декабря 1797 г., упростивший и ускоривший порядок выборов [39]. Упрощение порядка выбора привело к ликвидации губернских собраний [28].

В случае если в губернии было недостаточное дворян, отвечающих необходимым требованиям, для проведения новых выборов, император распорядился оставлять на следующее трехлетие тех же дворян, которые уже занимают эти должности [40].

На рубеже XVIII-XIX вв. дворянская корпорация была трансформирована в узко-сословную. В этом можно увидеть коннотацию со средне-

вековыми рыцарскими орденами, которые занимались только делами своих членов, не вмешиваясь в государственную политику. Но одновременно была ликвидирована одна из основных привилегий дворянских корпораций – право представления верховной власти. Рядом указов было запрещено подавать на высочайшее имя любые прошения, "многими подписанные". Просьба монарху должна была подписываться лично индивидом с указанием не только фамилии, но и чина, должности и местожительства [4, т. 24, № 17955, 18020].

Если дворянин опорочил сословную честь, а тем более совершил уголовное преступление, он должен быть исключен из состава "благородных". Но осуществить это вправе только верховная власть на основании судебного решения [40]. Уже в декабре 1796 г. Павел стал впервые практиковать телесные наказания для лиц, лишенных дворянского звания [41, с. 492].

Решая задачу возвращения дворян на службу и придание дворянству особого привилегированного статуса, законодательство 1796-1801 гг. уделяло большое внимание образованию дворянства. С этой целью создавались юнкерская школа при Сенате [7, с. 19], восстанавливалась Казанская гимназия [42], планировалось открытие Дерптского университета [4, т. 25, № 18953].

Особенно ярко продворянская направленность внутренней политики самодержавия конца XVIII в. проявилась в решении финансовых проблем, которые весьма обострились в связи с принимавшим массовый характер разорением сословия и, следовательно, ростом его задолженности [43].

В официальной правовой доктрине помещику отводилась роль своеобразного государственного чиновника, ответственного перед верховной властью за управление своими крепостными; отсюда и широкая практика передачи государственных крестьян в частное владение.

Помещик должен был отражать патерналистский образ императора: монарх – отец всех своих подданных, дворянин – отец своих крестьян, о которых он обязан заботиться и вести их к благоденствию. Отсюда понятным становится стремление создать образцовое крестьянское

хозяйство не только в казенной и удельной деревне, но и в помещичьем имении.

Особенностью социально-правового развития России, обусловленной расширением крепостнических отношений при зарождении и формировании капиталистического уклада, было формирование на протяжении XVIII в. городского сословия.

Несмотря на то что "Жалованная грамота городам" гарантировала определенные правовые гарантии городским сословиям, чтобы подчеркнуть зависимость горожан от верховной власти, были разрешены телесные наказания даже гильдейских граждан за уголовные преступления [4, т. 24, № 17916]. Без специального представления Сенату нельзя было зачислять купцов и мещан на государственную службу, что сопровождалось исключением из "подушного оклада" [4, т. 25, № 18622]. Для особо отличившихся купцов и купцов, ставших членами Коммерц-коллегии, было учреждено звание "коммерции советников" (8 класс Табели о рангах) [4, т. 26, № 19347]. При этом они сохраняли право заниматься торговыми операциями [4, т. 26, № 19555].

Созданное Жалованной грамотой городское общество, хотя и не получило развития на рубеже XVIII-XIX вв., но не было уничтожено, поскольку верховной власти было удобнее в некоторых вопросах иметь дело не с отдельным горожанином, а с обществом в целом. Для поддержания морального статуса купеческого общества исключенных из купеческого общества стали отдавать в рекруты, "с зачетом обществу складочных денег" [4, т. 24, № 18106]. Выезжая с целью профессиональной деятельности за пределы своих городов, купцы должны были получать паспорта, с уплатой пошлины. Под гарантию общества такие паспорта могли выдаваться и заочно [4, т. 25, № 18600], но только городом, к обществу которого они были приписаны [4, т. 25, № 18605]. Но в этом случае подать и недоимки за отсутствующего купца платило общество [4, т. 25, № 18605]. Купцы, уехавшие для торговли в другие города без получения паспорта, подлежали исключению из "звания гильдейского" [4, т. 25, № 18605].

По словам современного исследователя крестьянства России А.В. Борисовой, политика абсолютизма в отношении крестьянства на рубеже XVIII-XIX вв. шла в сторону "расширения круга вопросов крестьянской жизни и действительности, охватываемых законодательным, то есть непосредственно государственным, правовым регулированием" [44, с. 7].

Наиболее существенное значение для положения крестьянства имел объявленный в день коронации Павла I манифест, породивший много споров в историографии [41, с. 528-569]. Название "О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные" возникло при кодификации для издания Полного собрания законов Российской империи. Из текста документа следует лишь запрет работы в праздничные и выходные дни ("никто ни под каким видом не дерзнул принуждать"), что в принципе повторяло нормы Соборного Уложения. Именно так он и разъяснялся в указе Сената "Об обнародовании Высочайшего манифеста 5 апреля 1797 г. относительно освобождения помещичьих крестьян от работ в воскресные дни" [45, с. 3]. Что же касается ограничения барщины, то о ней сказано только пожеланием, которое не предусматривает никаких наказаний в случае использования крестьян на барщине больше положенных дней. Исходя из патриархальных представлений, верховная власть пыталась распространить на помещичье хозяйство новые методы организации, реализовать идею "казенного попечительства" в каждое дворянское имение. Характер последующих указов, посвященных положению помещичьих крестьян подтверждает этот вывод [4, т. 25, № 18706].

Интересы "казенного попечительства" требовали наделения крестьян 15 дес. земли. Однако при высочайших пожалованиях дворянству обнаружилось, что крестьяне не обладают необходимым количеством земли. В этой связи император неоднократно указывает Сенату на необходимость обязательно соблюдать необходимую пропорцию, для чего "нарезать из казенных земель" [19, с. 208, 259, 319].

Второй группой крестьянства, которой было уделено пристальное внимание в законодатель-

стве рубежа XVIII-XIX вв., были удельные крестьяне. Начало этому было положено "Учреждением об императорской фамилии". Из восьми отделений этого документа половина посвящена изложению порядков функционирования органов управления крестьянами, определению экономического и юридического положения удельных крестьян. Изложенные здесь правила внутреннего сельского правления свидетельствуют о попытке царя в дворцовых имениях воплотить в жизнь идею казенного попечительства.

Вскоре после издания Учреждения составляются подробные описания удельных имений, включавшие сведения о количестве земли, оброчных статьях, крестьянских промыслах. Проведенная таким образом ревизия дворцового ведомства была малоутешительна. Выявилось хроническое крестьянское малоземелье – 4,2 дес. на мужскую душу [4, т. 25, № 18713, 18773, 19365, 19400]. Пытаясь найти выход из положения, Департаменту уделов было разрешено использовать казенные земли [36] или покупать необходимое количество земли у частных лиц [4, т. 24, № 18118; т. 26, № 19334].

Попытки увеличить наделы за счет земельных переделов большого успеха не принесли [46, с. 19]. Поэтому государство обратилось к внедрению в хозяйство передовых агротехнических приемов и методов [47]. В связи с проведением политики попечительства возникла необходимость не только в грамотных людях, но и в тех, кто получал бы более систематизированные знания о вводимых уделом в самых разных областях "новшествах". Через таких людей легче было бы проводить преобразования, они могли стать проводником новых идей в широкие крестьянские массы [48, с. 15].

Политика казенного попечительства ярко присутствует и в политике императора по отношению к государственной деревне. В 1797 г. была учреждена Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных колонистов и сельского домоводства, которая в общегосударственном масштабе поставила вопрос о необходимости унификации размеров крестьянских волостей и волостного управления. Седьмого августа 1797 г. был издан закон, подготов-

ленный Экспедицией, предусматривающий, что в волости не должно быть более 3 000 душ мужского пола – "для лучшего порядка в сельском управлении". Взамен сельских выборных органов, которые существовали на основании давнего обычая и были признаны действующим законодательством, были установлены волостные правления в составе волостного головы, старосты и писаря, избравшихся на волостных сходах крестьян-домохозяев. Волостной голова ведал все дела, "какие относятся до взаимных отношений между поселянами". Волостные правления были поставлены под контроль казенных палат, подчиненных Экспедиции государственного хозяйства [4, т. 24, № 18082].

Заинтересованность государства в сохранении численности государственных крестьян видна в политике дальнейшего стеснения и усложнения их перехода в другие сословия. Двадцать девятого декабря 1796 г. запрещалось записывать их в купечество, "доколе не исправят рекрутской очереди" [4, т. 24, № 17701].

Следующим шагом в отношении "казенных поселян" стало решение вопроса о создании экономически крепкого крестьянского хозяйства, способного обеспечить стабильные и растущие поступления феодальной ренты в казну государства. Основным условием феодального хозяйства было снабжение крестьянина землей. Двадцать седьмого ноября 1797 г. получает высочайшую конфирмацию доклад Сената, где за норму была принята величина надела в 15 дес. на ревизскую душу [4, т. 25, № 18256, 18925]. Недостающее количество земли должно было браться за счет использования "казенных пустопорожных земель" [49].

Острая нехватка земли в центральных губерниях страны заставила государство прибегнуть к переселению части казенных поселян в места, "землями обильными" [4, т. 26, № 19500, 19834]. При этом учитывалось желание крестьян осваивать новые земли и их агротехнические способности. Переселенцы должны были обеспечиваться всем необходимым за государственный счет [50, с. 37].

Расширение вовлеченности крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения приводит к тому, что император предпринимает ряд шагов по регулированию несельскохозяйственных занятий крестьян. В частности указ от 11 ноября 1797 г. не только разрешал казенным крестьянам заводить в их хозяйствах мельницы, но и закреплял их в собственности крестьян. Десятого января 1800 г. эта норма была распространена на экономических крестьян [30, л. 17]. Одновременно предпринята попытка юридически оформить оброчные повинности крестьян. Семнадцатого декабря 1800 г. принимается Указ "Об отдаче казенным крестьянам оброчных статей в число земли 15 дес. пропорции", закреплявший размер оброка, исходя из стоимости хлеба, который можно было произвести на 15 дес. земли [28].

Таким образом, в законодательстве рубежа XVIII-XIX вв. были сформированы теоретические представления об идеальном государственном устройстве, в котором вся полнота власти сосредоточена в институте неограниченного наследственного монарха, получившего власть от Бога и только перед ним подотчетного за свои действия. Высшие и центральные органы управления играют лишь роль помощников правителя по отдельным отраслевым сферам.

Все учреждения и сословия в государстве должны были зависеть от воли императора и беспрекословно выполнять все его распоряжения. Существование какого-либо государственного органа, сословия или подданного, независимого от монарха, невозможно. Поэтому, совершенно естественно, император имел право вмешиваться в социальную, экономическую, политическую и личную жизнь подданных в целом, и каждого из них в отдельности.

Придерживаясь полицейистского варианта просвещенного абсолютизма, который много внимания уделяет законодательному оформлению прав и обязанностей не только государства, но и подданных, были нормативно определены функции органов управления и правовой статус отдельных сословий, их место в социальной иерархии.

Список литературы

1. Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. – М., 2004.
2. Скоробогатов А.В. Эволюция образа Петра I в политической культуре России XVIII века // Вестник Института экономики, управления и права / под ред. доц. З.А. Ахметьяновой. – Казань: Изд-во "Таглитмат" ИЭУП, 2007. – С. 277-299. (Сер. 2 "Право". Вып. 8).
3. Омельченко О.А. Идеи конституционного закона и "всеобщей законности" в правовой политике "просвещенного абсолютизма" в России: неизвестный проект Екатерины II "О узаконениях вообще" // Проблема политической и правовой идеологии: сб. науч. ст. – М., 1989. – С. 71-108.
4. Полное собрание законов. – СПб., 1830. – 1-е собр. – Т. 24-26.
5. Болотов А.Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла I // А.Т. Болотов. Памятник протекших времен / изд. П.С. Киселев. – М., 1875. – Ч. 2.
6. Скоробогатов А.В. Перезахоронение императора Петра III как культурно-исторический миф // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. – М., 2003. – С. 115-127.
7. Указы императора Павла Первого, самодержца Всероссийского [1797 г.]. – М., 1799.
8. Скоробогатов А.В. Указ о престолонаследии 1797 г. и проблема легитимации царской власти // Правовая реформа в России: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во "Таглитмат" ИЭУП, 2005. – Ч. 1. – С. 13-17.
9. Скоробогатов А.В. Коронация Павла I // Человек. – 2003. – № 6. – С. 147-156.
10. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семитические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 47-153.
11. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца века // Из истории русской культуры. – 2-е изд. – М., 2000. – Т. 4: XVIII – начало XIX века. – С. 665.
12. Указы императора Павла Первого, самодержца Всероссийского [1796 г.]. – М., 1797.
13. McGrew R.E. Paul I and the Knights of Malta // Paul I: A reassessment of his life and reign / ed. by H. Ragsdale. – Pittsburgh, 1979. – P. 48-125.
14. Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. – М., 1910.
15. Установление для Орденов Российских. – СПб., 1797.
16. Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М., 1999.
17. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. – Т. 1 / изд. А.С. Травецкий // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1891. – Т. 70.
18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 685.
19. Сенатский архив. – СПб., 1889. – Т. 1: Именные указы Павла I.
20. Санкт-Петербургские ведомости. – 1798. – 5 января. – № 2.
21. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 694.
22. Устав полевой пехотной службы. – Смоленск, 1797.
23. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные со вступления его на Всероссийский престол. 1796 года. – [СПб., 1797].
24. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1798 год. – [СПб., 1799].
25. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1799 год. – [СПб., 1800].
26. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1800 год. – [СПб., 1801].
27. Павел I. Всевысочайшие приказы, отданные на 1797 год. – [СПб., 1798].
28. Хавский П.В. Собрание Российских законов. – СПб., 1825. – Кн. 1. [Листы не нумерованы].
29. Архив Государственного Совета. – СПб., 1888. – Т. 2: Совет в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.).
30. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1.
31. Павел I. Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. – Б. м., [1824].
32. Скоробогатов А.В. Реформа городского управления Павла I // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI-XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции, Москва, 3-5 декабря 1996 г. – М., 1996. – С. 210-212.
33. Скоробогатов А.В. Управление западнорусскими землями на рубеже XVIII-XIX веков // Два века. Журнал российской истории XVIII-XIX столетий. – URL: http://www.dvaveka.pp.ru/Nomer7/skorob1_1.htm
34. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1259. – Оп. 1. – Д. 21.
35. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1321.
36. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 542. – Ед. хр. 665.
37. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 755. – Т. 3.
38. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1448.
39. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 1. – Ед. хр. 269.
40. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 3. – Ед. хр. 2159.
41. Ключков М.В. Очерки правительственной политики времени Павла I. – СПб., 1916.
42. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. – № 4451. – Ч. 3.

43. Абрамова И.Л. Сословная политика Павла I: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990.
44. Борисова А.В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: текст лекций. – Ярославль, 2000.
45. Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел II. Дела и определения Правительствующего Сената. – СПб., 1909. – Т. 1: Дела Общих собраний Правительствующего сената. 1797 – март 1801 гг.
46. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., 1961. – Ч. 1.
47. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 3. – Ед. хр. 2293.
48. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг. – Сыктывкар, 1991. – С. 15-17.
49. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1526.
50. Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел III: Дела Канцелярии Генерал-прокурора и Министерства юстиции. – СПб., 1910. – Т. 1: Дела канцелярии Генерал-прокурора за 1797 год.

В редакцию материал поступил 30.06.09.

Ключевые слова: политико-правовая доктрина Павла I, идеальное государственное устройство, монархическая власть.

